

Юрий Кублановский: Религиозность в литературе – деликатная вещь

Мы продолжаем разговор о современной русской словесности. О тенденциях в современной русской литературе, раскрытии в ней православной тематики, судьбе «толстых» журналов размышляет лауреат Патриаршей литературной премии поэт Юрий Кублановский.

– Юрий Михайлович, как Вы оцениваете процессы, которые идут в современной русской литературе?

– Когда рухнул железный занавес, и исчезла нужда государства в соцреализме, который какой-то остроумец определил как «борьбу хорошего с лучшим», стала появляться новая литература. К сожалению, в своей значительной части она ориентировалась на западные образцы, на литературу постхристианского мира. Но я по-прежнему уверен, что самобытность русской литературы – на христианских путях, на подспудном и глубинном религиозном осознании мира. И вчитываясь в стихи товарищей по литературному цеху, с надеждой замечаю: религиозность бьется как подземный ключ в творчестве весьма многих. Я рад, что появилась Патриаршая литературная премия, номинантами и лауреатами, которой становятся авторы с христианским мироощущением.

– Как православная тема может раскрываться в литературном творчестве, чтобы это было по-настоящему ярко и талантливо? Чему стоит поучиться у классиков?

– Православная тема в литературе – это не какая-то «специальная область», а то, что незримо разлито по всему тексту. Вспомним, к примеру «Дворянское гнездо» Тургенева, «Братьев Карамазовых» Достоевского, да и бессмертную «Анну Каренину» Льва Толстого. Или, к примеру, страшный роман «Бесы» Фёдора Достоевского, где нигилисты запускают мышь в киот чудотворной иконы. И, несмотря на такие жуткие сцены, в этом произведении есть катарсис, и «Бесы», безусловно, роман христианского, православного писателя. Террористическое подполье разоблачено и выставлено всем напоказ, и уже это кажется торжеством справедливости. При всей разнице творческих методов и манер, есть, по-моему, необходимое для всех полноценных литератур условие: убеждение в том, что зло не всеобъемлюще. Это не умозрительная вера, это действительно так, а иначе человечество и дня бы не просуществовало! Так что не надо на каждой странице трижды крестить лоб и говорить: «Господи, Господи», религиозность в литературе более деликатная вещь, чем это порой выглядит у писателей-неофитов. Не в этом заключается христианство культуры, а в подспудном движении авторского мировоззрения.

– Сегодня литература вечных ценностей, которую представляют лучшие современные авторы, противостоит массовой культуре. Насколько это сложно для писателя – не поддаться ее влиянию?

– Сказать, что сложно – это ничего не сказать. Массовая культура – гигантский, можно сказать, океанский бизнес: это несметные деньги, тотальная развлекательная идеология, почти сознательное оглупление умов и сердец. Сознание человека дробится, становится клиповым, отвлекающимся на множество пошлых и ненужных никому мелочей. Мощный союзник масскультуры – паракультура интернетовского общения, которая вымывает навык длительного и серьёзного чтения. И всё же – по завету Тютчева – «мужайся, сердце, до конца». И человек, чувствующий своё призвание, должен воплотить его, во что бы то ни стало. В этом и смысл, и, в конечном счёте, счастье его жизни. «Самостоянье человека – залог величия его», – написал Пушкин. Ну, а уж писателю сам Бог велел жить в самостояньи, без оглядки на конъюнктуру: государственную, общественную, финансовую.

– Что вы могли бы сказать сегодня о «толстых» литературных журналах? Насколько адекватно они отражают литературный процесс?

– Толстые журналы в общем и целом – зеркало современной литературы, культуры. Они отражают также личное мироощущение членов редакции, их идеологическую боевитость. Я сам много лет проработал в журнале «Новый мир»: сначала в публицистике, потом в поэзии, журнале, имеющим легендарные традиции и корни, прежде всего, благодаря публикации Солженицына во времена Твардовского. Старался сберечь и преумножить почвенное, «веховское» начало. Но, кажется, вызывал этим скорее раздражение, чем одобрение других членов редакции.... Сейчас всё время пророчат толстым журналам скорую гибель: жаль, если это произойдёт.

Литературное кровообращение сведётся тогда к ещё большему, чем теперь, мизеру. Всё-таки, сейчас они дают возможность литератору поделиться своим творчеством и своими мыслями, как с коллегами, так и шире – с российской интеллигенцией, всё ещё удивительным образом существующей.

– Вы много выступаете, были в Крыму, в Прибалтике – в разных уголках русского мира. Ваши впечатления о встречах?

– Именно благодаря поездкам я и вижу своего основного читателя, слушателя. Встречи, как правило, происходят в переполненных залах. Русскому человеку там не хватает ни информации, ни ощущения живого движения литературы. Я выступал в Вильнюсе, в Таллине, в Риге, в Кишинёве. Голод там по свежему русскому культурному слову огромный. А поездка в Крым – одна из самых значительных в моей жизни последних лет. Я очень высоко оценил то, что Россия не осталась равнодушной к русским в Крыму и Севастополе и спасла их от железной и разрушительной хватки евромайдана. Мы просто вытянули эти святые русские места из пасти Левиафана. Я выступал там с особым чувством. Там, по понятным причинам, всем нужны даже не столько стихи, сколько живой разговор с человеком «из центра». Да к тому же ещё и хорошо знающим проблемы современной Европы и всего мира. Вопросов столько, что на все и отвечать-то, конечно, не успеваю: не укладываются они в двухчасовой формат встреч. И хотя я возвращаюсь в Москву измотанным, но и освежившимся. Я ведь и сам провинциал по сути: до семнадцати лет прожил в Рыбинске, часто выступаю у своих земляков. В Ярославле, к примеру, в библиотеке имени Лермонтова, в последнее время я презентую все свои книги. И разговор с людьми в провинции намного живее, чем с москвичами.

– Действительно ли ваши поэтические книги не всегда «добираются» в глубинку, есть такая проблема?

– Да, мои сборники в провинцию не уходят, да и на московских прилавках найти их непросто. В силу серьёзности моей поэзии и недоброжелательности к ней «либерального участка», многие книготорговцы неохотно берут мои книги для продажи. Так что, живых встреч ничем не заменишь, хотя это и капля в море. Конечно, я мог бы дать больше своим соотечественникам – имея к ним больший доступ. Так что, я по себе знаю, как трудно настоящему писателю добраться до своего читателя. Ты можешь с утра до вечера думать о России, о русских бедах, эти твои думы будут отражаться в твоём творчестве, а это творчество почти невозможно донести до читателя из-за разрушенного книгообращения. Так что, я стараюсь как можно больше своих книг привозить на встречи. И с удовольствием их там подписываю тем, кому они успевают достаться.... Конечно, всё это донкихотство, даже несколько комичное рыцарство – перед гигантскими маховиками совершенно другого свойства, но, как говорится, «здесь я стою – я не могу иначе».

Справка

Поэт, эссеист, публицист и литературный критик Юрий Михайлович Кублановский родился в городе Рыбинске. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета Московского государственного университета.

В 1982 году, после выхода за границу сборника его стихов под редакцией Иосифа Бродского, был вынужден эмигрировать. Вернулся в Россию восемь лет спустя первым из политических эмигрантов.

Заведовал отделом публицистики, а затем поэзии в журнале «Новый мир».

Автор многих поэтических сборников, вышедших в США, Франции, России. По словам Александра Исаевича Солженицына «поэзии Кублановского свойственны смелость метафор, живейшее ощущение русского языка, интимная сроднённость с историей и неуходящее ощущение Бога над нами».

Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2012 год, Почётный гражданин города Рыбинска, отмечен многими литературными наградами, в том числе Литературной премией Александра Солженицына, Новой Пушкинской премией.

Татьяна Медведева

19 августа 2016 г. 13:15